

*И.В. Демин**

ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАРРАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В статье рассматривается проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории. В контексте нарративной историософии эта проблема формулируется как проблема критериев оценки исторических нарративов. Принимая исходные положения нарративной историософии, автор предлагает синтез трёх основных концепций истинности (когерентной, корреспондентской и прагматистской) в качестве одного из вариантов решения проблемы истинности исторического знания.

Нарративная философия истории, представленная в работах Х. Уайта, Ф. Анкерсмита, П. Вена, по-новому ставит и решает традиционные историософские проблемы: о сущности исторического, о предмете исторического познания, о соотношении исторического прошлого и текста историографа об этом прошлом (исторического нарратива) и т.д. Одна из важнейших проблем в этом ряду — проблема исторической истины, или достоверности исторического знания. В контексте нарративной философии истории она формулируется как проблема критериев оценки исторических нарративов и правил их написания.

Центральным для нарративной историософии выступает понятие «нарративной субстанции». Этот термин впервые был введен Анкерсмитом в книге «Нарративная логика». По мысли Анкерсмита, всякий исторический нарратив состоит из единичных нарративных высказываний, каждое из которых выражает, «индивидуализирует» какую-то нарративную субстанцию. Нарративная субстанция, индивидуализирующаяся в единичных нарративных высказываниях, может выра-

* © Демин И.В., 2008

Демин Илья Вячеславович — кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

жаться в той или иной метафоре. Нарративной субстанцией является, например, «Великая Октябрьская социалистическая революция» или «Октябрьский переворот». Здесь очень важно подчеркнуть, что «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «Октябрьский переворот» — это *разные, различные* нарративные субстанции, которые выражаются в *разных, различных* исторических нарративах.

Концепт «нарративной субстанции» позволяет, во-первых, сохранить исходную интуицию постмодернистской историософии о сущностной нарративности исторического познания, во-вторых, позволяет избежать «поэтизации» и «субъективизации» исторического познания, и создаёт возможность для понимания нарративной историографии как историографии «научной». Однако необходимо прояснить, как должна пониматься сама «достоверность», «научность», «истинность» исторического знания в контексте нарративной историософии. Иными словами, необходимо поставить и решить вопрос о *критериях нарративного исторического знания*, который неразрывно связан с вопросом о том, *на каком основании мы можем предпочесть один исторический нарратив другому историческому нарративу*.

Прежде чем приступить к обсуждению проблемы истины в историческом познании, необходимо ответить на вопрос, *что вообще объединяет различные исторические нарративы?* На каком основании мы можем сопоставлять различные исторические нарративы друг с другом? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить о «двойственной» (лучше — «двуединой») природе всякого исторического нарратива: он в одно и то же время есть описание исторического прошлого и выражение, индивидуализация нарративной субстанции. Эту двойственность нельзя понимать в том смысле, что исторический нарратив описывает прошлое и *вдобавок к этому* еще и выражает какую-то нарративную субстанцию. Эти две «функции» нарратива *взаимопроизводны и соотносительны*.

Классический историзм решал этот вопрос так: мы можем сопоставлять различные нарративы друг с другом на том основании, что *в них (по-разному) описывается один и тот же предмет* — историческое прошлое, какой-то фрагмент прошлого. Такой ответ предполагает *(объективную) структурированность* самого прошлого. Ведь если в самом Древнем Риме не было «административного аппарата», как могли бы историки изучать «административный аппарат Древнего Рима» и *по-разному описывать, трактовать его в своих нарративах?* Такова логика классического историзма.

Для нарративной историософии такой ответ является неприемлемым, так как нарративная историософия отрицает объективную структурированность самого прошлого, а следовательно, не имеет права ссылаться на «общий предмет» описания, изучения. Исторический нарратив *упорядочивает, структурирует* прошлое, которое само по себе не имеет никакой структуры. Это упорядочивание совершается

посредством **выбора историографом определенной интриги, определенного сюжета**. Историограф в этом случае изучает не «историю административного аппарата в Древнем Риме», но, например, «историю практик принуждения».

Можно было бы предположить, что объединяющим для различных исторических нарративов будет «общий сюжет», хотя такое предположение не вполне корректно. Можно ли сказать, что два исторических романа (а исторический нарратив в нарративной историософии зачастую мыслится по аналогии с историческим романом), посвященных императору Нерону, имеют «общий сюжет»? Едва ли, так как «сюжет» — это, прежде всего, характеристика **вот этого конкретного произведения**. Мы приходим к выводу: в контексте понимания исторической репрезентации по аналогии с репрезентацией художественной невозможно показать, **на каком основании сравниваются, сопоставляются различные исторические нарративы**. Остается только предположить, что если прошлое, само по себе не имеющее структуры, **структурируется в нарративе**, а в основе такого структурирования лежит **выбор сюжета**, который в каждом историческом нарративе свой, то различные исторические нарративы вообще написаны «о разном» и могут сравниваться друг с другом **только в том смысле, в каком сравниваются друг с другом различные исторические романы**. Иными словами, такое сравнение может быть основано только на сугубо эстетических критериях. Об этом, кстати, неоднократно говорили и сами основоположники нарративной историософии — Х. Уайт [5. С. 21] и Ф. Анкерсмит [1. С. 174].

Однако, коль скоро мы хотим понять, как возможно общезначимое, достоверное историческое знание, удерживая при этом базовые презумпции постмодернизма, оба варианта решения проблемы для нас неприемлемы.

Посмотрим на эту проблему внимательнее. Исторический нарратив есть выражение-индивидуализация какой-то нарративной субстанции. От этого тезиса мы и будем отталкиваться в ходе решения поставленной проблемы.

Если один историк создает нарратив, нарративная субстанция которого формулируется как «Октябрьский переворот», а другой историограф создает нарратив, нарративная субстанция которого формулируется как «Великая Октябрьская социалистическая революция», то нельзя сказать, что они в своих нарративах просто по-разному «описывают» **одно и то же** историческое событие. Нельзя также сказать, что в их нарративах речь идет о **разных** событиях. Просто в их нарративах выражают себя разные (различные) нарративные субстанции.

Но тогда возникает резонный вопрос: как вообще можно соотнести, сравнить два нарратива, как можно из двух нарративов выбрать лучший?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно понять, о чем же он всё-таки спрашивает. Строго говоря, никакой нарратив не является

нарративом-о, никакой нарратив не может быть соотнесен с чем-то, что не есть нарратив, что вне, помимо нарратива, что имеет вненарративную природу.

Отсюда следует, что мы вообще не можем сравнивать, сопоставлять два нарратива *на том основании, что это нарративы «об одном и том же»*. Здесь напрашивается такое решение: если эти нарративы не говорят об одном предмете, значит, они говорят о *разных* предметах, значит, их вообще нельзя сравнивать, потому что они с самого начала говорят «о разном». В таком решении опять-таки не учитывается, что *нарратив — это не нарратив «о чем-то»*. Исторический нарратив — это не нарратив *о каком-то фрагменте исторического прошлого, хотя прошлое и находит в нарративе свое описание*.

Но если нарратив — это не «нарратив о чем-то», если у нарратива «нет своего предмета», как нет своего предмета, например, у исторического романа, не должны ли мы вообще отказаться сравнивать, сопоставлять нарративы и выбирать из них лучший?

Но если мы не хотим свести исторические нарративы к просто художественным текстам, нам нужно ответить на вопрос: на каком же основании мы можем сопоставлять исторические нарративы, что является условием возможности такого сопоставления?

В контексте нашего рассмотрения ответ на этот вопрос формулируется так: условием возможности сопоставления нарративов является *нарративная субстанция, которую они выражают-индивидуализируют*.

Мы можем сравнивать нарративы постольку, поскольку они выражают-индивидуализируют *одну нарративную субстанцию*. Иными словами, мы можем сравнивать исторические нарративы постольку, *поскольку в их основании лежит одна и та же базовая метафора*.

Сейчас мы не говорим о конкретных критериях сравнения. Но очевидно, что из двух нарративов, выражающих-индивидуализирующих одну и ту же нарративную субстанцию, следует предпочесть тот, который *лучше справляется со своей ролью выразителя нарративной субстанции*.

Здесь нужно заметить еще вот что: нарративная субстанция всякий раз неотделима от «самого исторического прошлого». Если бы исторический нарратив был «только» выразителем нарративной субстанции, он ничем бы не отличался от пропагандистского текста. Но исторический нарратив всякий раз выступает *также и* в качестве *заместителя исторического прошлого*. Поэтому, сопоставляя различные исторические нарративы, выражающие нарративную субстанцию, мы *тем самым* всякий раз сопоставляем *различные варианты замены самого исторического прошлого*. И благодаря этому сохраняется возможность достоверного (истинного) знания об историческом прошлом.

Заметим здесь, что в нарративной историософии не объясняется факт полемики между историографами, чьи нарративы выражают как

будто различные нарративные субстанции и не выявляются условия возможности такой полемики. Вопрос о том, как возможна такая полемика, вообще едва ли может быть поставлен в контексте нарративной философии истории и остаётся открытым. Нарративная историософия говорит о нарративах, выражающих-индивидуализирующих одну («общую» для них) нарративную субстанцию.

Если принять положение нарративной историософии о том, что сопоставимыми могут быть только нарративы, выражающие одну нарративную субстанцию, возникает вопрос о критериях такого сопоставления. Иными словами, необходимо возобновить *вопрос об исторической истине*. Поясним, о чем идет речь. *Сами нарративы* не могут быть ни истинными, ни ложными. «Я допускаю, — пишет Анкерсмит, — что мы можем говорить о «несовместимости нарративов», но отвергаю, что отсюда должно следовать, будто нарративы могут быть либо истинными, либо ложными» (здесь и далее курсив мой. — И.Д.) [2. С. 112].

Истинными или ложными могут быть только единичные нарративные высказывания, составляющие исторический нарратив: «Об однозначных буквальных высказываниях можно утверждать, что они являются либо истинными либо ложными» [2. С. 330].

Л. А. Микешина и М. Ю. Опенков в книге «Новые образы познания и реальности» выделяют следующие основные «способы проблематизации истины: *теория корреспонденции, или соответствия* (включая подход А.Тарского); *теория когеренции, или связности, согласования как системности знания*, его единства; *прагматическая (практическая) теория истины*, строящаяся на признании, методологически-инструментального и этического значения этой категории» [3. С. 64].

Детальный обзор трех основных концепций истины применительно к историческому познанию — корреспондентской, когерентной и прагматической — дан в кандидатской диссертации А.В. Тищенко «Истина в историческом познании» [см.: 4].

Необходимо спросить: в каком смысле мы используем термин истина *применительно к единичному нарративному высказыванию об историческом прошлом*? Какая концепция истины стоит за истинностью единичного нарративного высказывания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на одну мысль Л.А. Микешиной и М.Ю. Опенкова. Авторы акцентируют внимание на *взаимосвязанности* и *взаимодополнительности* трех основных концепций истинности: «Эти концепции должны рассматриваться во взаимодействии, поскольку они носят дополнительный характер, *по сути, не отрицая друг друга, а выражая различные аспекты истинного знания*» [3. С. 64]. И далее авторы поясняют: «Очевидно, что знание может быть *соотнесено с реальностью*, должно *коррелировать с другим знанием*, поскольку оно системно и взаимосвязано, а в системе высказываний могут быть соотнесены предложения объект-

ного и метаязыка (по Тарскому). Прагматический подход, в свою очередь, если его не упрощать и не вульгаризировать, **фиксирует роль социальной значимости, признания обществом, коммуникативности истины**» [3. С. 65].

Таким образом, речь должна идти не столько о трех взаимоисключающих концепциях истинности, сколько о трех **аспектах истинности**. «Эти подходы, коль скоро они не претендуют на единственность и универсальность, — пишут далее авторы, — представляют в совокупности достаточно богатый инструментарий гносеологического и логико-методологического анализа истинности знания как системы высказываний. Соответственно **каждый из подходов предлагает свои критерии истинности, которые при всей их неравноценности должны, по видимому, рассматриваться в единстве и взаимодействии**, т.е. в сочетании эмпирических, предметно-практических и внеэмпирических (логических, методологических, социокультурных и др.) критериев. **Очевидным представляется также неполнота каждого из подходов в отдельности**, а также специфичность и неуниверсальность каждого из критериев, в том числе практики, которая при всей ее значимости может рассматриваться в этой функции в рамках только гносеологической интерпретации истины» [3. С. 65].

Такое понимание истинности чрезвычайно важно для нас. Теперь, исходя из понимания трех аспектов истинности как взаимопроизводных и дополняющих друг друга, необходимо возобновить вопрос об истинности нарративного исторического знания.

В книге «Нарративная логика» Анкерсмит писал: «Нарративная историография должна дать ответ не только на вопрос: «Является ли высказывание истинным?», но также и на вопрос: «Следует ли это высказывание приводить в нарративе о S?»» [2. С. 198].

Этот тезис является ключом к пониманию истинности нарративного исторического знания. Анкерсмит вовсе не отрицает, что историограф должен формулировать **истинные** высказывания об историческом прошлом. Но в то же время он подчёркивает, что историограф должен всякий раз задавать себе вопрос, **следует ли то или иное высказывание приводить в том или ином нарративе?** Это вопрос об «уместности» того или иного нарративного высказывания в контексте того или иного исторического нарратива. Речь, разумеется, идёт не о том, что в нарративе «о» Куликовской битве не следует приводить высказывания о Наполеоне или Александре I. Требование «уместности» ни в коей мере не сводится к требованию «придерживаться темы исследования». Как же следует понимать эту «уместность»?

Факты и конкретные высказывания в нарративе — это не просто иллюстрации некоей нарративной субстанции. Дело обстоит не так, словно историограф сначала «замыслил» некую нарративную субстанцию, а потом начал подбирать, выискивать подходящие для этой нарративной субстанции факты и высказывания и «собирать» из них нар-

ратив. Если бы все обстояло так, ни о какой общезначимости исторического знания не могло бы быть и речи. Если бы факты были просто иллюстрациями, историописание *ничем не отличалось бы от пропаганды*, которая ведь также оперирует «историческими фактами».

«Выбор» (лучше — принятие) некой нарративной субстанции *не предшествует* процедуре создания исторического нарратива, но всякий раз *сопутствует* этой процедуре. Этот выбор *всякий раз* подтверждается в ходе написания нарратива.

Нарративные исторические высказывания обретают измерение истинности-ложности, лишь будучи выразителями какой-то нарративной субстанции, то есть *только в нарративе, а не сами по себе*. Отсюда следует очень важный вывод: истинными или ложными (в смысле соответствия) могут быть только те единичные нарративные высказывания, *которые уместны в контексте данного нарратива*, в контексте нарратива, выражающего какую-то нарративную субстанцию.

Истинным или неистинным может быть только *уместное* высказывание. Уместность нарративного высказывания — это условие его истинности или неистинности.

Исторический нарратив выражает-индивидуализирует какую-то нарративную субстанцию. Только высказывание, выполняющее в нарративе свою функцию выражения-индивидуализации нарративной субстанции, может быть (вдобавок к этому) истинным или ложным. Скажем точнее, *высказывание, всегда уже выражающее в нарративе какую-то нарративную субстанцию, всегда также является истинным или ложным*.

Общий вывод таков: высказывание, неуместное в данном историческом нарративе, выражающем и конкретизирующем данную нарративную субстанцию, не может быть ни истинным, ни ложным. Появление неуместного высказывания (неуместных высказываний) свидетельствует о том, что автор плохо справился или вообще не справился со своей задачей.

Таким образом, на вопрос о том, какая концепция истины предполагается в утверждении о «единичном нарративном высказывании», мы можем ответить так: здесь присутствуют все три аспекта истинности:

- истинность как со-ответствие (высказывания о прошлом самому историческому прошлому);
- истинность как со-гласованность (нарративных высказываний друг с другом);
- истинность как уместность (того или иного высказывания в контексте того или иного нарратива).

Эти аспекты истинности не являются «равноправными». «Уместность» предшествует «согласованности» и «истинности». Только уместное в контексте данного нарратива высказывание может соответствовать самому историческому прошлому («исторической реальнос-

ти») и быть согласованным с другими нарративными высказываниями данного нарратива.

«Уместность», представляющая так называемый «прагматический» аспект истинности, имеет своеобразный *логический* приоритет по сравнению с «корреспондентским» и «когерентным» аспектами. «Уместность» нарративного высказывания логически предшествует его «соответствию-чему-то» и его «согласованности-с-другими-высказываниями».

Таким образом, понимание истинности того или иного нарративного высказывания об историческом прошлом вытекает из понимания природы нарративного высказывания и его функций в контексте исторического нарратива.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.-Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с.
2. Анкерсмит, Ф.-Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф.-Р. Анкерсмит; пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. — М.: Идея—Пресс, 2003. — 360 с.
3. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
4. Тищенко, А.В. Истина в историческом познании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.В. Тищенко. — Йошкар-Ола, 2005 — 131 с.
5. Уайт, Х. Метаистория: Ист. воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ., под общ. ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 527 с.

I. Dyomin

VALIDITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE NARRATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY

In the paper a validity of historical knowledge in the narrative philosophy of history is discussed. In the context of narrative historiosophy this issue takes the shape of criteria for evaluation of historical narratives. Accepting the cornerstones of narrative historiosophy the author puts forward a synthesis of the three main validity concepts (coherent, correspondent and pragmatist) as one of the ways to solve the problem of validity of historical knowledge.

Статья принята в печать в окончательном варианте 14. 01.08 г.